
В. П. ПЕТРОВ, М. Л. МАКАРЕВИЧ

СКИФСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА

I

Скифскую генеалогическую легенду Геродот передает в двух вариантах. Согласно версии, которую Геродот приписывает скифам-борисфенитам, от брака Зевса с дочерью реки Борисфена родился первый человек Таргитай. У Таргитая было три сына. От старшего, Липоксая, произошли скифы рода авхатов, от среднего, Арпоксая — катиары и траспии и от младшего, Колаксая — паралаты. Легенда о прародителях, первом человеке и трех племенных героях-эпонимах тесно переплется с преданием о золотых предметах: плуге, ярме, секире и чаше, упавших с неба. Чудесные знамения засвидетельствовали, что дары, ниспосланые прародителями, предназначались меньшему сыну Колаксаю. Старшие братья, «поняв... передали младшему все царство». «Так рассказывают скифы о своем происхождении...», — констатирует Геродот (IV, 5—7) ¹.

Другая версия (Геродот приписывает ее понтийским грекам) достаточно близка к первой, хотя между ними имеются некоторые несоответствия. Так, первый вариант ограничивался упоминанием о прародительнице как о дочери реки Борисфена; вторая легенда описывает праматерь как «существо смешанной породы», «...у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя змеиная». Существенно переработана вступительная часть в повествовании о праотце. Тема мифологического праотца, скрупулезно освещенная в первом варианте, приобретает большую насыщенность. Вместо Зевса в понтийской версии выступает Геракл. Его приход и встреча с женщиной-змеей превращается в пространное и занимательное повествование. Всего этого нет в версии, которую Геродот назвал «скифской», противопоставив ее «греческому» варианту. Все остальное в греческой понтийской легенде сохраняет местный колорит. В ней точно также идет речь о трех сыновьях и их соперничестве, удерживается противопоставление младшего и старших сыновей, сохраняется предание о небесных дарах, опознании и признании младшего брата как избранника и истинного наследника царства ².

Кроме двух вариантов легенды, передаваемых Геродотом, та же легенда известна в записи Диодора Сицилийского (ок. 80—29 гг. до н. э.). Диодор ссылается на «скифские предания». Придерживаясь этих преданий, Диодор повествует о «рожденной землею деве», у которой «...верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя змеиная». От ее брака с Зевсом родился сын, по имени Скиф, который, «...превзойдя славою всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами». «В числе потомков этого царя (Скифа) были два брата, отличавшиеся

¹ В. В. Латышев. Scythica et Caucasica, т. I, СПб., 1893, стр. 12, 13.

² Там же, стр. 12.

добротой; один из них назывался Пал, а другой Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назывались народы, один Палами, а другой Напами» (II, 43, 3—4) ³.

Как видим, Диодор различает три генерации: легендарных прародителей, их сына и его потомков, среди которых он выделяет двух братьев, племенных героев-эпонимов, родоначальников отдельных племен. Первый человек именуется у Геродота Таргитаем, у Диодора — Скифом. Племенных предков у Геродота три, у Диодора их два. В Диодоровой записи отсутствует упоминание о небесных дарах, чудесном золоте и знамениях. Оба автора, Геродот и Диодор, согласны в том, что прародительницей скифов была змееногая дева, однако у Геродота в борисфенитской версии она представлена как дочь реки, тогда как Диодор называет ее «землерожденной». Как Геродот, так и Диодор не приводят туземного имени прародителя, называя его Зевсом (Геродот в понтийской версии — Гераклом).

Отцовская тема в скифской генеалогической легенде, очевидно, и во времена Геродота не была достаточно выразительна. Первое место в легенде принадлежало прamatери, праотцу отводилось второстепенное место. Его образ в древнейшей части предания подчинен материнской теме. Прamatерь — своя и здешняя; она исконная обитательница страны, дочь реки Борисфена. Отец, напротив, не здешний. Согласно одной версии, он далекий небожитель, свидетельствующий о себе чудесными дарами и знамениями; согласно другой — это пастух, случайно забредший в Гилюю. Он неожиданно появляется и столь же внезапно уходит.

Б. Н. Грakov в своей известной статье о «Скифском Геракле» отметил двуслойный характер легенды ⁴, что совершенно правильно; можно было бы говорить даже о ее многослойности. Легенда существовала весьма длительное время, она неоднократно перерабатывалась, пополнялась новыми темами, творилась вновь и вновь. Отцовская тема, привнесенная в первоначальное содержание материнского мифа, когда общественное сознание уже не могло мириться с мыслью о безотцовском происхождении племени, рода или лица, не ослабила значения образа змееногой прamatери. Образ прamatери-змеи сохранил свою выразительность, тогда как образ праотца не смог приобрести достаточной определенности.

Как уже упоминалось, Геродот и Диодор ничего не говорят о туземном образе праотца. Б. Н. Грakov сделал остроумную попытку внести ясность в вопрос об имени скифского праотца, сопоставивши Таргитая борисфенитской легенды с Гераклом понтийской версии. «Греческим,— замечает Б. Н. Грakov,— является прежде всего переименование Таргитая в Геракла» ⁵. С этим утверждением необходимо согласиться, поскольку Таргитаю и Гераклу в легенде отведена одинаковая роль предков племенных героев-эпонимов. Однако они не тождественны, так как Геракл, подобно Зевсу, выступает как супруг змееногой прamatери, а Таргитай — как ее сын. Он первый человек в ранее безлюдной пустыне, «скифский Адам, которого скифы считали сыном Зевса, прижитого им от дочери реки Борисфена» ⁶.

Предание о первом человеке отсутствует в греческом пересказе. В результате изменился счет поколений, произошло смещение персонажей, что в свою очередь привело к изменению их генеалогической соотнесенности. Как праотец племенных героев-эпонимов Геракл заменил первого

³ Там же, стр. 458.

⁴ Б. Н. Грakov. Скифский Геракл. КСИИМК, 34, 1950, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 8.

⁶ С. А. Жебелев. Геродот и скифские божества. ИТОИАЭ, I(58), 1927, стр. 87.

человека Таргитая, но как супруг праматери он заменил же Таргитая, а Зевса борисфенитской версии.

Скифская генеалогическая легенда — многоплановая. От древнейшей части легенды не трудно отличить позднейшие, в особенности ту часть, которую следует обозначить как «царскую». В легенде нашел отражение переломный этап древней истории Приднепровья, переход к новому общественному состоянию, этап сложения союзноплеменных отношений. Племенная расчлененность сохраняется, однако все рече обозначается тенденция к укреплению межплеменных связей и в конечном счете к слиянию племен. В своем конспекте книги Л. Моргана «Древнее общество» К. Маркс замечает: «Союз племен является ближайшим подобием народа»⁷.

Образование союза племен восходит, по всей вероятности, еще к до-геродотовскому времени, более раннему, чем времена Атея или Скилура. Во всяком случае, легенда в том виде, в каком ее записал Геродот, носит вполне сложившийся характер союзноплеменного предания. Вожди отдельных племен в борьбе за союзноплеменную власть нуждались в идеологическом обосновании своих притязаний.

В царском варианте легенды древний материнский миф, носивший некогда характер родового предания, существенно перерабатывается. Ссылка на праматерь приобретает новое значение как доказательство исконной общности всех племен, входивших в данный племенной союз. Согласно легенде, все родственные племена происходят от одной праматери — дочери реки Борисфена по одной версии, полуженщины-полузмеи — по другой.

Наряду с этим в содержание легенды вводится новая тема власти. К материнскому мифу присоединяется предание о реликвиях. Если материнский миф подтверждал единство происхождения авхатов, катиаров, трастпиев и паралатов, и сказание о трех братьях провозглашало братскую родственность племенных владык, то предание о реликвиях обосновывало союзноплеменное главенство паралатов, потомков Колаксая. Предание о реликвиях сообщило скифской генеалогической легенде династический характер. В противовес притязаниям соперничающих племенных вождей, легенда отстаивает права паралатов, тех, которые, претендуют на господство в скифском племенном союзе, называли себя потомками Колаксая, младшего из трех братьев. Паралаты — «царские». Они чаще называются царскими, нежели как-нибудь иначе. Это название прочно укрепилось за ними и заставило забыть их давнее племенное имя.

Колаксай — младший. Как младший, в соответствии с законами ми-нората, он — подлинный правитель, владыка всех владык, избранник неба, царь, указанный чудесными знамениями. Легенда нарочито подчеркивает, что признание власти младшего Колаксая было добровольным актом. Братья правильно поняли смысл знамений и добровольно, без принуждения, «передали младшему все царство».

У скифов Поднепровья в V в. до н. э., во времена Геродота, уже существовал вполне сложившийся союзноплеменной культ как общественное установление, имелись реликвии союзноплеменного значения, их почитание, обязательное для всех членов племенного союза, выработанный обрядовый ритуал, цикл годовых празднеств, богатые жертвоприношения, вера в приметы и знамения; существовали, очевидно, и толкователи последних. Пересказавши предание о золотых предметах, дарах, упавших с неба, о происхождении регалий, Геродот сообщает: «Вышеупомянутое священное золото цари их ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами» (IV, 7).

В свете всего изложенного возникает возможность уточнить некоторые положения. Так, по мнению С. А. Жебелева, «своими предками

⁷ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, IX, М., 1941, стр. 79.

скифские цари считали Зевса⁸. Б. Н. Греков, трактуя Таргитая как скифского Геракла, видел в нем «родоначальника царской династии»⁹. В свою очередь, А. П. Иванова, в отличие от других авторов, считает, что «...женщина-змея являлась владычицей скифской земли и родоначальницей скифских царей»¹⁰. Ту же мысль высказывает М. Ф. Болтенко. Он тоже рассматривает «змею-деву древнейших скифских этногенетических сказаний как родоначальнику древнейших владык Северного Причерноморья»¹¹.

К сожалению, с приведенными высказываниями нельзя согласиться. По прямому смыслу легенды, никто из названных персонажей не является родоначальником царской династии. Зевс и праматерь — родители первого человека Таргитая; Таргитай — отец трех племенных герое-эпонимов. Все эти герои-эпонимы одинаково ксаи, но только Колаксай и его потомки — цари. По его имени все борисфениты именовались сколотами.

В заключение раздела следует остановиться на пересказе скифской генеалогической легенды в поэме «Аргонавтики» Валерия Флакка (умер ок. 80—90 гг. н. э.).

Валерий Флакк в своей поэме повествует: «...легион Бизальты и предводитель Колакс тоже божественной крови: Юпитер произвел его на Скифском побережье вблизи зеленои Мираки и Тибисенских устьев, прельщенный (если это достойно веры) полузверским телом и не устрашенный двумя змеями нимфы» (VI, 46—50)¹². К этому рассказу Валерий Флакк присоединяет упоминание о геральдических изображениях, которые, по его свидетельству, якобы имелись на щитах легионеров. На воинских щитах были помещены зигзаговидные перуны Юпитера, а также символы Колакса — воздушные драконы и змеи с головами, обращенными одна к другой. «Вся фаланга носит на резных покровах (щитах) Юпитеров атрибут — разделенные на три части огни (т. е. перун). Кроме того, сам Колакс собрал воздушных драконов, отличие матери Оры, и с обеих сторон противопоставленные змеи сближаются языками и наносят раны точеному камню» (VI, 54).

Свидетельство Валерия Флакка в высшей степени ценно. Оно подтверждает, что предание о Колаксе и змееногой праматери сохранилось в памяти населения Северного Причерноморья вплоть до первых веков нашей эры, а также и то, что, помимо устного предания, существовали изображения, указывающие на Колаксая и змееногую праматерь.

II

Многочисленные археологические находки убедительно показали, что наряду с записями скифской генеалогической легенды у Геродота, Диодора и Валерия Флакка (V в. до н. э.—I в. н. э.) в ту же эпоху в Северном Причерноморье и Поднепровье были широко распространены разнообразные изображения змееногой женщины. Эти изображения встречаются одинаково на геммах, нашивных золотых бляшках одежды и надгробных покрывалах, гипсовых налепах деревянных саркофагов, украшениях конской сбруи, плитах каменных зданий и проч.

Наш обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Остановимся на некоторых находках, начав с Кубани. Так, на тонкой золотой бляшке

⁸ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 87.

⁹ Б. Н. Греков. Ук. соч., стр. 12.

¹⁰ А. П. Иванова. Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора. СА, XV, стр. 198.

¹¹ М. Ф. Болтенко. Стратиграфия и хронология Большого Куяльника. МАСП, I, Одесса, 1957, стр. 28.

¹² В. В. Латышев. Ук. соч., т. II, вып. 1, СПб., 1904, стр. 207, 208.

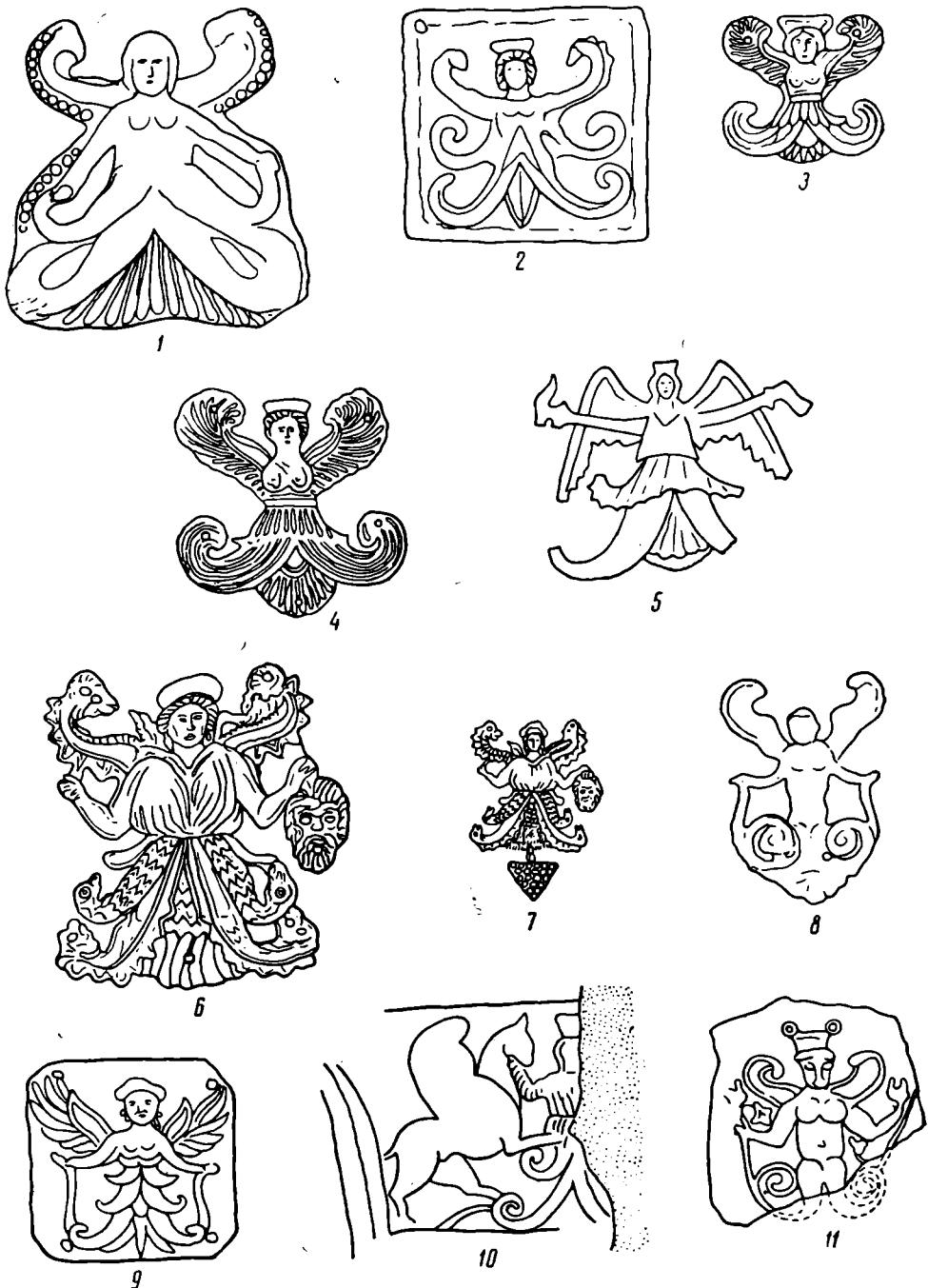

Рис. 1.

1 — бляшка из станицы Лабинской; 2 — бляшка из ст. Елизаветинской; 3—5 — бляшки из кургана Б. Близница; 6—7 — бляшки из кургана Куль-Оба; 8 — налеп на саркофаге из Керчи; 9 — бляшка из Херсонеса; 10 — каменный карниз из Херсонеса; 11 — глиняная плитка из Херсонеса.

из станицы Лабинской (рис. 1, 1) изображена женщина с обнаженной грудью и двумя парами змеиных ног. Опущенными руками она сжимает змеиные шеи. За ее спиной как бы в виде крыльев выступают два драконовых туловища с зубчатой гривой и головами, обращенными одна к другой¹³.

¹³ Любопытен комплекс нашивных бляшек из ст. Лабинской с изображениями: медузы (1), грифона (2), коней (3), львов (15), зайца (1). ОАК за 1909 и 1910 гг.

На бляшке, найденной при раскопках кургана у ст. Елизаветинской (вторая половина V в.—IV в. до н. э.; рис. 1, 2), изображена женщина без рук с калафом на голове и двумя парами кольцеобразно загнутых змеиных ног. Из-за плечей у женщины, наподобие крыльев, выступают драконы туловища с зубчатой гривой и головами, повернутыми к женщине на уровне ее лица¹⁴. М. И. Ростовцев указывает, что змеиные ноги и крылья этой стилизованной крылатой богини «оформлены в виде растительных побегов»¹⁵; это, конечно, не совсем верно, поскольку завитки змееголовых крыльев и ног явственно сохраняют свой звериный облик, независимо от растительных побегов в их орнаментальной передаче.

Змееногая на бляшках кургана Большой Близницы (Таманский полуостров, вторая половина IV в. до н. э.; рис. 1, 3—4) представлена в виде бюста, без рук, с обнаженной грудью и калафом на голове¹⁶. «Вместо рук сделаны два завитка, в которых еще неясно видны основные формы крыльев, тогда как завитки, которыми оканчивается нижняя часть, едва только напоминают эти формы»¹⁷. Исследователи разошлись во взглядах на бляшки. М. И. Ростовцев отнес их к группе «пластинок в форме крылатой богини со змеями»¹⁸. А. П. Иванова считает возможным говорить о «широко распространенном в боспорской декоративной скульптуре мотиве — изображениях женской полуфигуры, ноги которой переходят в растительный орнамент»¹⁹. Думаем, что бляшки из Большой Близницы не имеют прямого отношения к изображениям женщины вместе с растительным орнаментом. Мастер, изготавлиявший штамп, со всей очвидностью исходил из образа змееногой женщины. Он дал упрощенную схему, что позволило Л. Стефани писать о «пластинках, изображающих женщину в виде арабеска»²⁰.

При дальнейших раскопках Большой Близницы были найдены бляшки (рис. 1, 5) несколько иного типа, а именно с изображением «крылатой женской фигуры в калатосе и исподней одежде; нижняя часть этой фигуры оканчивается тектоническим украшением; руки, в которых она держит какие-то неясные атрибуты, далеко протянуты в обе стороны»²¹. Если полагаться на достоверность рисунка, опубликованного в ОАК за 1866 г.²², то нижняя часть женской полуфигуры представляется, как обычно, в виде двух пар змеиноголовых ног. Что касается крыльев, то они, в отличие от прочих изображений, никакого не похожи по своим очертаниям на змеиные или драконы, это — птичьи крылья.

Для понимания символики описываемых изображений особое значение приобретают бляшки из Куль-Обы близ Керчи (рис. 1, 6—7)²³.

стр. 214, рис. 245. Высказывая мнение, что «...левиноголовые грифоны имеют непосредственное... отношение» к культу змееногой богини, Д. Б. Шелов по поводу бляшек из Лабинской замечает, что «на золотых бляшках, изображающих змееногое божество, крылья богини оканчиваются рогатыми головами этих грифонов» (Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, 34, 1950, стр. 68, рис. 18, 5).

¹⁴ ОАК за 1912 г., стр. 57—58, рис. 84. Бляшка опубликована в перевернутом виде. Очевидно, смысл изображения не был понят.

¹⁵ M. Rostowzew. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931, стр. 290—291.

¹⁶ ОАК за 1865 г., стр. V; ср. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 427, рис. 318, 5.

¹⁷ Л. Стефани. Объяснение нескольких древностей, найденных в 1864 году в Южной России. ОАК за 1865 г., стр. 70.

¹⁸ M. Rostowzew. Ук. соч., стр. 402, прим. 1.

¹⁹ А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 188; A. P. Iwanowa. Gestalten der örtlichen Mythologie in der Kunst des Bosporus. Das Altertum. Berlin, т. V, 1959, стр. 239.

²⁰ Л. Стефани. Ук. соч., стр. 70.

²¹ ОАК за 1866 г., стр. 8.

²² ОАК за 1866 г. Атлас, табл. 1, рис. 37.

²³ ДБК, табл. XX, 8; А. Ашик. Боспорское царство, ч. III, Одесса, 1849; рис. 142; П. П. Сабатье. Керчь и Босфор. СПб., 1851; стр. 118—119; табл. V, 1; M. Rostovtseff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 73 и 130, рис. 17.

Они позволяют лучше уяснить основное содержание образа. Здесь четко переданы очертания драконьих и змейных голов в профиль, воспроизведена чешуя, покрывающая туловища, и выделены зубчатые гривы на шеях чудовищ. В согнутой левой руке змееногая женщина держит голову-маску бородатого мужчины (по мнению А. Ашика²⁴) или маску бородатого сатира или пана (по Л. Стефани²⁵). Рауль-Рошетт считает, что женщина держит за рога голову Пана с бородой²⁶. Эту же мысль поддерживает Д. Б. Шелов, указывая, что «сатир, служащий лицевым типом пантикапейских монет IV века, связан с местным культом змееногой богини»²⁷.

В отличие от других изображений, на бляшке из Куль-Обы туловища драконов с змеевидными головами и небольшие крылья за спину женщины изображены в отдельности, расчленены²⁸. Что касается нижней части женской полуфигуры, то Рауль-Рошетт на пластинке из Куль-Обы различал две пары туловищ: одну, по его мнению, грифонов и другую — змей²⁹.

До сих пор речь шла о нашивных бляшках. Раскопки в Керчи и ее окрестностях дали находки налепов, украшавших саркофаги. Отлитые из гипса или алебастра изображения не всегда бывают выразительны. Так, было бы трудно решить, представляют ли серповидные крылья у гипсовой фигурки змееногой женщины, опубликованной в ОАК за 1891 г. (рис. 1, 8), завитки крыльев или же нечетко воспроизведенные в гипсе изображения драконьих туловищ. Опущенными вниз и раскинутыми в стороны руками женщина сжимает шеи верхней пары змей. Змеи нижней пары свернуты в двойной клубок, как если бы художник-мастер хотел придать им вид орнаментальных волют, превратив их в условный знак, напоминающий схематические украшения из гипса на том же саркофаге³⁰.

Изображения змееногой женщины, встреченные в синдо-меотском и боспорском искусстве, характерны не только для юго-восточной, но и для юго-западной части Крыма. Они одинаково представлены как в археологических памятниках Пантикапея, так и Херсонеса. Так, в 1893 г. при раскопках могильника в Херсонесе у южной городской стены в каменном гробу с детским погребением были найдены «три нашивные золотые пластинки с изображением трифона, льва и женской фигуры с завитками вместо ног»³¹. На голове у женщины (рис. 1, 9) калаф обычного типа, труда обнажена, руки опущены вниз и сжимают шеи змей. За спину женщины вместо драконьих туловищ двойная пара крыльев. Нижняя часть женской полуфигуры представлена в виде трех пар симметрично расположенных завитков. Змеи изображены отдельно от завитков ног.

Можно сказать, что в этом случае мотив змееногой женщины превращается в мотив женщины с змеями³².

Из других находок в Херсонесе назовем грузило для рыболовных сетей в виде усеченной пирамиды с изображением «голой женщины,

²⁴ А. Ашик. Ук. соч., стр. 63, рис. 142.

²⁵ Л. Стефани. Ук. соч., ОАК за 1866 г., стр. 71.

²⁶ П. П. Сабатье. Ук. соч., стр. 119.

²⁷ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 65.

²⁸ П. П. Сабатье. Ук. соч., стр. 119.

²⁹ Там же.

³⁰ ОАК за 1891 г., стр. 56, рис. 34—35.

³¹ ОАК за 1893 г., стр. 4—5, 60—61, рис. 1—3; Н. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, 3, стр. 214.

³² Для изображения «женщины с змеями», в отличие от «змееногой женщины», характерна известная гемма из Юз-Обы. См. ОАК за 1860 г. Атлас, стр. 84, табл. IV, 6. Ср. W. H. Röscheg. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, т. 1, 2. Лейпциг, 1886—1890, стр. 1711.

рыгвороченные ноги которой изображают две змеи»³³, а также гемму из яшмы с резным изображением змееногой женщины³⁴.

Особый интерес представляет находка, сделанная при раскопках в Херсонесе в 1905 г.³⁵. Дело в том, что нашивные бляшки с изображениями грифона, льва, змееногой женщины встречаются в отдельности. Тематическая взаимосвязь, то, как они нашивались на одежду и погребальные покрывала, остается неясной. Найденный в 1905 г. обломок карниза от храма или здания (рис. 1, 10) позволил раскрыть сюжетную линию связей. Грифон и женщина изображены на камне вместе. Женщина с калафом на голове змееногая. У нее нет крыльев; вместо ног две пары завитков с волютами на концах. Правой рукой, согнутой в локте, она касается шеи грифона. К. К. Косцюшко-Валюжинич писал о «грифоне с львиной головой и ласкающей его женщине с завитками вместо ног». «Женщина положила руку на шею грифона, как бы лаская его», — замечает Д. Б. Шелов. При всем том, нельзя упускать из виду, что бляшки с изображениями змееногой женщины и грифона составляют принадлежность похоронного ритуала. Для последнего характерны сцены борьбы, пожирания, убийства, преследования. Хищный зверь терзает повержнутого оленя. Змееногая женщина душит, сжимает шеи змей. Не исключена возможность, что в данном случае воспроизведена сцена с подобным сюжетным содержанием.

Среди находок из Херсонеса необходимо остановиться на плитке из глины, обнаруженной в 1946 г. в слое римского времени III—IV вв. (рис. 1, 11). Согласно Н. Пятышевой, «на лицевой стороне пластины высоким рельефом изображена обнаженная женская фигура со стилизованными крыльями за плечами, змеевидными (от колен) ногами, переходящими в стилизованные растительные завитки, концы которых с листьями и цветами находятся в руках изображенной фигуры»³⁶. При объяснении рисунка следует иметь в виду, что нижняя часть барельефного изображения змееногой женщины напоминает общий контур гипсового налепа на саркофаге из Керчи (см. выше). В обоих случаях женщина сжимает руками шеи верхней пары змей, тогда как нижняя пара трактована как спирально загнутый внутрь волют без всякого отношения к растительному орнаменту³⁷.

³³ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году. ИАК, 16, СПб., 1905, стр. 76.

³⁴ Н. И. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году. Херсонесский сборник, II, Симферополь, 1927, стр. 186, рис. 45, 11.

³⁵ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году. ИАК, 25, 1907, стр. 140, рис. 30; Н. Пятышева. Ук. соч., стр. 214; Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 69, рис. 18, 6.

³⁶ Н. Пятышева. Ук. соч., стр. 218.

³⁷ Следует заметить, что прорись, опубликованная Н. Пятышевой, неточна. Так, дорисованный волют нижнего завитка должен быть обращен внутрь, а не наружу. Черты лица слишком сбиты, чтобы с уверенностью говорить о «бычьей морде» или «опущенных рогах». Спорным является также и то, персходят ли ноги в змееголовые или же растительные завитки, сжимает ли женщина шеи змей или же побеги с листьями, как полагает Н. Пятышева. Правда, в Северном Причерноморье наряду с змееногими изображениями женщины встречаются и изображения растительного типа. Например, на глиняном штампе II—III вв. из Илурата (1949 г.) левая рука на изображении женщины «заканчивается древесной ветвью («проросшая рука»); по бокам изображены крылатые животные (по-видимому, грифоны)» (см. В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капшин. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 185—186, рис. 15; В. Ф. Гайдукевич. Илурат. МИА, 85, 1958, стр. 81). Сравни также поколенное изображение женской фигуры с поднятыми вверх руками («поза оранты») и с непропорционально большими листьями вместо кистей рук на огромной мраморной стеле из Керчи (1911 г.) (см. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, 56, стр. 18—19, рис. 7; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 20—202, рис. 7, ее же. Образы местной мифологии в искусстве Босфора. Уч. зап. ЛГУ, 160, вып. 20, 1954, стр. 257).

В заключение несколько слов по поводу хорошо известного изображения змееногой женщины на конском золотом налобнике из Цимбалки на нижнем Днепре, возле сел. Белозерки³⁸. На голове у женщины калаф, грудь прикрыта, длинная одежда перехвачена поясом. Ниже от лона женщина изображена змееногой с двойными туловищами в многоярусной последовательности сначала рогатых драконов, далее трифонов, ниже — завитков с волютами и без них, затем стилизованных ответвлений, образующих пальметку. Книзу до края пластины идут вытянутые побеги, оканчивающиеся змеиными головками на сплетенных узлом шеях. Опущенными руками женщина держит драконов за рога. Рисунок носит все признаки декоративной стилизации. Чтобы заполнить пространство в нижней части пластины, мастер комбинирует, эклектически соединяет различные варианты изображений змеиных и драконовых туловищ, произвольно увеличивает число «ног», завитков, волют, изгибов. С той же целью в верхней части пластины он нарочито пририсовал сверху калафа два вычурной формы побега и пальметку, завершающую собой сложную композиционную конструкцию.

Налобник из Цимбалки не единственный. Наряду с ним следует упомянуть о серебряном блюде Чертомлыцкого кургана с изображением змееногой женщины³⁹. Традиционный образ сохранен, но многое изменено и доработано. Изменены очертания калафа. Руки женщины подняты и касаются краев головного убора. По обеим сторонам головы помещены два цветка. Очертания змеиных туловищ превращены в систему сплетений. Изгибы завитков нарочито продолжены и расположены по краям рисунка как чисто орнаментальный мотив. При всем том остается очевидным, что, вопреки высказывавшемуся мнению, здесь представлен не «бюст, вырастающий из чрезвычайно пышного растительного орнамента»⁴⁰, а та же полуфигура змееногой женщины в окружении орнаментальных сплетений, хотя и напоминающих растительные побеги, но восходящих в конечном счете к первичному образу змееголовых ног.

III

Вопрос о связях легенды в записях Геродота, Валерия Флакка и Диодора, с одной стороны, и соответствующих изображений в декоративном искусстве Северного Причерноморья,— с другой, не совсем ясен. По мнению М. И. Ростовцева, изображения змееногой женщины, представленные на конском налобнике из Цимбалки, нашивных бляшках, украшениях саркофагов римского времени в Пантике, подтверждают легенду, приведенную Геродотом⁴¹. Того же мнения придерживаются Н. Пятышева⁴² и А. П. Иванова⁴³. Д. Б. Шелов возражает против подобного взгляда и сомневается, можно ли сопоставить эти изображения змееного божества с легендой о жившей где-то у Днепра ехидне, полуженщине-полузмее, о которой повествует Геродот. Однако ему кажется бесспорной связь «изображений змееного божества с культом богини, азиатской «владычицы зверей», одним из аспектов которой, вероятно, и является змееногая богиня»⁴⁴.

Таким образом, на сегодня среди исследователей наметились две точки зрения. Согласно одной из них, признается связь изображений и

³⁸ ОАК за 1868 г., стр. XV; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, II, СПб., 1889, стр. 115—116, рис. 99; Е. Н. Міппс. Ук. соч., стр. 166 и 269, рис. 54—55; M. Rostovtzeff. Ук. соч.

³⁹ И. Толстой, Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 110—111, рис. 97—98.

⁴⁰ А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 188.

⁴¹ M. Rostovtzeff. Ук. соч., стр. 107—108, 130.

⁴² Н. Пятышева. Ук. соч., стр. 215.

⁴³ По мнению А. П. Ивановой (Ук. соч., стр. 198), приводимое в легенде «описание этого существа смешанной породы чрезвычайно точно соответствует изображениям его на памятниках Северного Причерноморья».

⁴⁴ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 65.

скифской генеалогической легенды, согласно другой, эта связь отрицается. Правда, в последнем случае по вопросу о местных аспектах образа Великой матери, владычицы зверей, между отдельными исследователями нет полного согласия. Если Д. Б. Шелов, как мы видели, склонен сближать образы владычицы зверей и змееногой богини, то В. Ф. Гайдукевич образ владычицы зверей сближает с изображением на глиняном штампе I—II вв. из Илурата, о котором упоминалось выше и который не имеет ничего общего с мифологической темой полуженщины-полузмеи⁴⁵.

В нашу задачу не входит решение вопроса о генетических связях образа Великой матери и змееногой богини. Для нас гораздо важнее отметить типологическое тождество образа змееногой женщины в легенде и на изображениях, общую распространность этого образа одинаково у скифов-борисфенитов Поднепровья, в синдомеотской среде Приазовья, на Боспоре, в юго-восточном Крыму и на побережье западного Крыма. При этом, отмечая тождество данного образа от нижнего Днепра до Кубани, мы не можем не учитывать, что типологические и генетические связи совпадают далеко не всегда. Типологическое сходство еще ничего не говорит о тождестве происхождения.

О легенде мы должны судить на основании всех доступных нам источников, в том числе на основании устной традиции. Устная сказочная традиция достаточно убедительно сохраняет сюжетную схему, которая свойственна легенде. Хотя сказка утратила свою исконную связь с родом, потеряла свое первичное значение племенного повествования, но во всем прочем сюжетная структура легенды и сказок (речь идет о группе так называемых «волшебных сказок»)⁴⁶ обнаруживает значительное сходство.

Вводную часть легенды и волшебных сказок одинаково образует рассказ о родителях. В центре событий стоят сыновья. Их обычно три, но только один из них подлинный герой, наследник и избранник. Признание его приходит после ряда испытаний. Законным наследником становится младший брат в соответствии с бытовавшими некогда нормами минората; соперники изобличены и отвергнуты, а герой получает царство. Этим обычно и завершается сказка.

Скифская генеалогическая легенда со всей очевидностью укладывается в рамки того же сюжетного построения, которое впоследствии ляжет в основу соответствующей группы волшебных сказок⁴⁷. Данная сюжетная схема уже окончательно сложилась к V в. до н. э.; к этому времени она бытовала в Поднепровье, однако это вовсе не значит, что сказки и легенда, скифский генеалогический миф генетически взаимосвязаны. Не следует упрощать проблему. Морфологическая общность структуры — это одно, происхождение легенды и сказки — другое.

Не иначе решается вопрос о хронологической соотнесенности легенды и изображений. Изображения, о которых шла речь выше, получают

⁴⁵ На глиняном штампе из Илурата представлена стоящая в центре женщина с распростертыми руками. «Левая рука заканчивается ветвью, на правой помещен крестообразный знак, может быть обозначающий летящую птицу... Справа и слева у ее ног представлено по крылатому зверю. У зверей, по-видимому, птичьи головы (грифоны?)... Представленная на илуратском штемпеле композиция иконографически напоминает хорошо известное в античном мире изображение владычицы зверей... Однако образ богини здесь осложнен ярко выраженным растительным мотивом». — В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 81, рис. 76, 77.

⁴⁶ В. Пропп. Морфология сказки. Л., 1928, стр. 71—72. В. Я. Пропп выдвинул «тезис о полном единобразии строения волшебных сказок», «о чрезвычайно тесном морфологическом родстве сказок». «Все волшебные сказки однотипны по своему строению», — утверждает автор (стр. 33, 115, 126).

⁴⁷ «Подобное строение обнаруживает и ряд древнейших мифов, причем некоторые мифы дают этот строй в удивительно чистом виде. Это, по-видимому, та область, к которой восходит сказка». — В. Я. Пропп. Ук. соч., стр. 109.

распространение примерно с середины IV в. до н. э. По сравнению с записью легенды у Геродота они появляются лет на 50 позднее, в иных исторических условиях чем те, которые породили возникновение скифского союзноплеменного предания. Их распространение связано с развитием городского ремесла, расцветом ювелирного искусства, достигающего высоких ступеней художественного совершенства.

Достаточно сослаться на конский налобник из Цимбалки с изображением змееногой женщины. Мастер, изготовивший этот налобник, предельно усложнил традиционный образ. Для него мифологическая тема — декоративный мотив, повод к созданию орнаментальной схемы, заполняющей свободное пространство пластины. В других случаях изображение змееногой женщины приобретает вид арабеска, превращается в условный символ, в некий знак, первичное содержание которого улавливается далеко не сразу.

Мы имеем все основания говорить о различных этапах осмысления первичной мифологической темы змеи-праматери. Теряя племенные черты, данный образ в конечном счете срастается с синкретическими культурами эллинистического времени. Местные элементы попадают под влияние малоазиатских, античных и прочих культов, взаимно скрещиваются, и в этой пестроте разнообразных скрещений бывает трудно отделить следы местных традиций от привнесенного извне.

Скифская генеалогическая легенда возникла задолго до того, как была записана Геродотом. Она существовала и после него. О бытования скифского генеалогического предания в I в. до н. э. свидетельствует запись Диодора, в I в. н. э.— запись Валерия Флакка.

К римскому времени относятся алебастровые налепы на саркофагах из Пантикея, глиняная плитка с изображением змееногой женщины из Херсонеса⁴⁸. О переживаниях тех же представлений, возможно, свидетельствует также обычай носить височные кольца и браслеты с змеиными головками, находки которых встречены в ряде скифо-сарматских могильников, датируемых рубежом и первыми веками нашей эры⁴⁹.

Что можно сказать о бытования мифологического образа праматери-змеи в доскифское время? Некоторые исследователи делали попытки решить этот вопрос, привлекая для подтверждения связей трипольские статуэтки. Так, указывая на «совершенно змеиный изгиб шеи» трипольских фибулок из раскопок И. Я. Стемпковского у сел. Красногорки близ Тирасполя, М. Ф. Болтенко пытался сопоставить их с образом змей-девы «древнейших скифских этногенетических сказаний»⁵⁰, что, конечно, не решает вопроса.

Еще меньше может дать указание К. Болсуновского на предание о змеях в земле невров. Высказав мнение, что спиральный орнамент три-

⁴⁸ По мнению Н. П. Сорокиной, на глиняной плитке из Херсонеса изображена не полуженщина-полузмей, а полуженщина-полуптица. См. Н. П. Сорокина. Навершие боспорского надгробия с фигуркой из собрания Исторического музея. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 95—96, примеч. 25. Для подобного объяснения нет достаточных оснований. У полуженщины-полуптицы («сирены») — голова женщины, туловище и ноги — птицы, тогда как у змееногой женщины голова и туловище человеческие, ноги в виде змеино-головых завитков. Подборка Н. П. Сорокиной интересна как свидетельство того, что в Северном Причерноморье бытовали одновременно оба образа: змееногой женщины и полуженщины-полуптицы; античные образы скрещивались и существовали с местными мифологическими представлениями и образами.

⁴⁹ А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, 35, 1910, стр. 100, рис. 21, 3 и 4; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 75, табл. 34, 11; В. Ф. Гайдукевич. Илурат, стр. 131, рис. 146; В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 127, табл. III, 6—8, 10; Н. А. Богданова. Отчет о раскопках могильника рубежа и первых веков нашей эры в районе сел. Заветное в 1959 г.; то же в 1960 г. Архив ИА АН УССР; Е. Ф. Покровська. Г. Т. Ковпаненко. Могильник біля с. Калантаєво. Археологія, XII, 1961, стр. 137, рис. 7, 1—3.

⁵⁰ М. Ф. Болтенко. Ук. соч., стр. 28.

польской керамики символизирует змею, К. Болсуновский сделал попытку увязать этот мотив с преданием, записанным у Геродота, о змеях, населявших земли невров, где некогда обитали трипольские племена⁵¹.

Гораздо больше могут дать находки женских фигурок из раскопок раннетрипольских поселений в сел. Сабатиновке на среднем Буге; здесь встречены статуэтки, у которых посредством краски или углубленных линий на ногах изображены змеи⁵². Сабатиновские статуэтки показывают, что в трипольское время образ родовой матери увязывался с мифологическим представлением праматери-змеи и находил себе воплощение в пластических изображениях женщины с змеиными югами. Огромный хронологический разрыв, а также отсутствие промежуточных звеньев осложняет решение вопроса о генетических связях мифологического образа полуженщины-полузмеи в трипольское время с аналогичным образом, нашедшим свое отражение в скифской генеалогической легенде.

К сказанному присоединяется еще одна трудность: общая неразработанность вопроса о длительности бытования тех или других мифологических мотивов. Правда, в настоящее время начинают накапливаться необходимые данные. В качестве примера можно сослаться на наблюдения К. В. Тревера, В. Н. Лазарева и В. А. Богусевича относительно образа собаки-птицы (Сэнмурва — Симаргла)⁵³. Эти наблюдения убедительно показали, что образ собаки-птицы, засвидетельствованный находками в скифских куртанах VI—V вв. до н. э., из кургана близ ст. Елисаветовской, из IV Семибратного кургана и других, находит себе позднейшие соответствия в древнерусском искусстве, в находках из Гнездова, на каменных плитах черниговского Борисоглебского собора (конец XII в.), Георгиевского собора 1234 г. в г. Юрьеве-Польском и др.

Так перед нами постепенно открываются в перспективе пути, которые позволяют с большей уверенностью, чем это было до сих пор, говорить о сроках и этапах бытования ряда мифологических представлений — образов, относящихся к скифскому времени: полуженщины-полузмеи, собаки-птицы, полуженщины-птицы и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ к рис. 1

1 — ОАК за 1909—1910 гг., стр. 214, рис. 245; 2 — ОАК за 1912 г., стр. 58, рис. 84; 3 — ОАК за 1865 г. Атлас, табл. III, рис. 5; 4 — ОАК за 1865 г. Атлас, табл. III, рис. 4; 5 — ОАК за 1866 г. Атлас, табл. I, рис. 37; 6—7 — Древности Боспора Киммерийского, табл. XX, 8; А. Ашик. Боспорское царство, ч. III, Одесса, 1849, рис. 142; 8 — ОАК за 1891 г., стр. 56, рис. 35; 9 — ОАК за 1893 г., стр. 4, рис. 2; 10 — ИАК, 25, 1907, стр. 140, рис. 30; 11 — Н. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3/21, стр. 213

⁵¹ К. Болсуновский. Символ змия в «Трипольской культуре». Киев, 1905, стр. 6.

⁵² М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідження пам'яток трипільської культури. АП, IV, 1952, стр. 89—95; его же. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II. КСИА, 3, 1954, стр. 94; А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, 1952, стр. 81, табл. I, I.

⁵³ К. В. Тревер. Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж. Юбилейный сборник в честь Н. Я. Марра. М.—Л., 1933, стр. 293—328; В. Н. Лазарев. Скульптура Владимира-Сузdal'ской Руси. История русского искусства, I, М., 1953, стр. 436; В. А. Богусевич. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві. Археологія, XII, 1961, стр. 76—91.